

индифферентных рядов при исследовании юридических категорий остается востребованным и актуальным на сегодняшний день.

Список использованных источников и литературы

1. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с.
2. Зиновьев, А.В. Депутатский иммунитет и индемнитет / В.А. Зиновьев // Ученые записки юридического факультета – СПб ГУ П., 1999. – № 4. – С. 11–15.
3. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб., 1914. – 364 с.
4. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М.: Изд-во Молот, 1905. – 900 с..
5. Монтескё, Ш. О духе законов / Ш. Монтескьё // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.

И.Н. ВАСЕВ

*аспирант юридического факультета
Алтайского государственного университета,
Научный руководитель*

В.В. СОРОКИН

*профессор кафедры
теории и истории государства и права
юридического факультета
Алтайского государственного университета,
доктор юридических наук*

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Современное общество все чаще характеризуют с помощью чуждого русскому языку прилагательного «постмодернистское». Сказать, что это такое – «постмодерн» - довольно сложно, т.к. даже сами философы, занимающиеся данной проблематикой, не могут прийти к сколько-нибудь единому мнению. Как известно, постмодерн является следующим этапом, после модерна, развития западноевропейской культуры. Не существует и устоявшейся точки зрения, когда же была пересечена граница между модерном и постмодерном,

однако большинство авторов указывают на середину XX века¹. Однако, факт остается фактом - постмодернизм оказал сильнейшее влияние на все стороны общественной жизни: экономику, искусство, политику и пр. И, скорее всего, модерн, предшествовавший постмодерну, несмотря на всю их кажущуюся конфронтацию, лишь подготовил почву для расцвета постмодернистского общества. В этом смысле нам импонирует точка зрения ряда исследователей, усматривающих в смене данных эпох лишь звенья одной цепи². Попробуем же разобраться, что ценного для понимания взаимодействия общества и государственной власти дают нам философские разработки проблемы «модернизм – постмодернизм». И в этом отношении неоценимую помощь нам окажут фундаментальные работы М. Фуко, посвященные эволюции характера государственной власти. На примере французской, немецкой, отчасти русской истории автор предпринимает попытку осмысления генезиса взаимоотношений личности и государства в течение последних столетий. Следует сразу заметить, что под государственной властью М. Фуко понимал не просто власть, осуществляемую соответствующими полномочными органами, а всю совокупность методов по упорядочению общественной жизни, исходящих из центра управления – макиавеллевского *stato*.

Итак, исторически, вплоть до появления абсолютных монархий в Европе, до эпохи буржуазных революций³, государственная власть строила свои взаимоотношения с обществом и личностью на несколько иных началах. А, если быть точнее, государственная власть не стремилась осуществлять сколько-нибудь жесткий или непрерывный контроль над обществом. Да, даже если бы власть предержалась и попыталась усилить свое влияние, общество проигнорировало бы такую инициативу. Конечно же, это вовсе не исключало конфликтов между государством в лице монарха и отдельной личностью. Но

¹ См. об этом, например: Липовецки, Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме./ Ж. Липовецки./ СПб. – Владимир Даль. – 332с.

² См, например: Дугин, А. Г. Археомодерн./ А. Г. Дугин./ <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1474>

³ Многие авторы вполне обоснованно видят в абсолютных монархиях не последний этап Средневековья, а уже подготовку будущих революционных свершений. См., например: Насыров, Р.В. Человек как самоценность: о формулировке ст.2 Конституции РФ 1993г. (курс лекций)/ Р.В. Насыров./ Барнаул, - 2008, - 278с. См. также: Генон, Р Кризис современного мира./ Р. Генон./ Paris. - 1927.

под правонарушением понималось вовсе не деяние, посягающее на общественный порядок. Правонарушение было, прежде всего, вторжением в сферу власти монарха, открытый вызов, неуважение, брошенные установленным монархом правилам¹. И монарх, таким образом, старался ликвидировать именно *инородное тело*, вторгшееся в сферу его господства. Этим отчасти и объясняется стремление палача во время публичной казни как можно больше истязать тело преступника, уничтожить его физически. Это еще раз подчеркивает тот факт, что государство и общество не сливались в единое неразделимое под руководством первого из них. Они *со-существовали*. Вторжение представителей общества в сферу господства государственной власти, или наоборот, неизменно приводили к ответной реакции, реакции на инородное присутствие. И если инородный угрожающий элемент нельзя было оттеснить на ранее занимаемые им позиции, то его оставалось только уничтожить². И, действительно, данное положение можно наглядно проиллюстрировать на примере эпидемий чумы, неоднократно проходившей по Европе. Флорентийский писатель Джованни Боккаччо (1313-1357) в своем «Декамероне»³ дает очень интересную для нас информацию: «в полночный час, в Эпоху Возрождения...», а точнее, во время сильнейшей эпидемии чумы 1348 года, свидетелем которой был сам Дж. Боккаччо, несколько молодых людей покидают Флоренцию, чтобы переждать мор в пригороде. Они именно уходят из города, они делают это по собственному желанию.

Далее обратимся к мыслям М. Фуко, которые он высказывал по данному поводу. Государственная власть, осознав опасность свободного перемещения горожан во время эпидемий, начинает предпринимать следующие меры: изобретается процедура принудительного *исключения*. Почему мы говорим «изобретается»? Ведь исключение, известно еще первобытному обществу, когда осуждение на изгнание, по сути, означало смерть, т. к. выжить вне

¹ См. об этом: Фуко, М. История безумия в классическую эпоху./ М. Фуко./ СПб.: 1997, - 576с.

² Что и произошло, например, с князем Игорем, когда он нарушил негласное правило и попытался собрать с древлян налог второй раз в один и тот же год.

³ Боккаччо, Дж. Декамерон./ Дж. Боккаччо./ СПб. – Азбука – классика. – 2008. – 800с.

коллектива было почти невозможно¹. Разница в том, что раньше индивид сам, по собственному желанию покидал коллектив либо к этому его понуждало именно общество в качестве наказания за какой-либо проступок. Теперь же вопросы исключения, изоляции берет под свой контроль государственная власть. Именно под государственным руководством строятся загородные лепрозории, в которые и направляются все те, в отношении которых есть подозрение на какую-либо заразную болезнь.

Следующим шагом по усилению государственного контроля за зараженными лепрой (проказой) было установление комендантского режима в городах, когда ни один житель во время чумной эпидемии не мог покинуть своего дома без разрешения государственного служащего под страхом смертной казни. То есть процедура исключения заменяется несколько иной: процедурой наблюдаемого *включения*. Прокаженный член общества уже не изгоняется, напротив, он остается в коллективе, но уже под неустанным контролем со стороны государственной власти. Таким образом, основываясь на массе исторических материалов, М. Фуко делает вывод о постепенном усилении контроля со стороны государственной власти в области здравоохранения.

Другим, не менее ярким примером является развитие истории безумия в Европе. На первом этапе, как указывал М. Фуко, с безумцами, которых тогда вовсе не считали больными, поступали двояко. Их либо высылали из общества (причем это делало само общество): одним из ярких примеров здесь служат немецкие *die Narrenschiffen* («корабли дураков»), когда городская община садила всех своих умалишенных на корабль и доверял их судьбу течению Рейна. И второй вариант: отношение к безумцам как к провозвестникам божьего на земле – как к юродивым. Если и происходила изоляция безумного,

¹ К. Кастанеда приводит любопытный пример, каким образом осуществлялось изгнание у южно-американских племен. Провинившийся член племени должен был медленно спускаться со склона холма в то время как его соплеменники - «судьи» продолжали стоять сзади него – на вершине холма. У каждого из «судей» в руке было копьё и каждый из них имел право, если считал изгоняемого виновным, бросить это копьё в спину последнего. Если осужденный на изгнание доходил до подножья холма невредимым, то он мог жить дальше, но уже вне коллектива. См.: Кастанеда, К. Учение Дона Хуана./ К. Кастанеда./ М. – София. – 256с. Об изгнании из племени см.: Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права./ Т. В. Кашанина./ М. – 1999.

то это делалось именно самим обществом. Так, классик английской литературы У. Теккерей даже вводит специальную фразу – «дядя уехал в Бразилию»¹, что означало сумасшествие такого дяди: гости продолжают интересоваться, как ему живется в Бразилии, хотя все прекрасно понимают, что семья просто держит его в дальней комнате дома. Именно семья осуществляла изоляцию своих членов. С приходом модерна государственная власть, присвоив безумцам статус больных, по мотивам ограждения общества от потенциально опасных членов начинает осуществлять их изоляцию уже от своего имени. Более того, постмодернистский этап характеризуется лишь усилением данной тенденции: теперь государство даже обязывает общество сообщать об известных последнему фактах безумства. И то, что ныне действующий Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»² предусматривает обращение родственников душевнобольного в государственные медицинские учреждения за помощью, уже не вызывает удивления у общества. Хотя несколько столетий назад такая семья рассматривалась бы как предавшая своего члена.

Таким образом, делает вывод М. Фуко, государственная власть, изобретя понятие ненормальных членов общества, изобрела и процедуру их *нормализации*, суть которой в исправлении необычного члена общества под неусыпным контролем. Причем государственная власть понудила общество начать говорить о *ненормальных* как больных. В своем дневнике Великий князь Константин Романов вспоминал, что члены царской семьи, выйдя из церкви после пасхальной службы, трижды целовались с юродивыми на паперти, несмотря на все язвы этих юродивых³. Представить себе что-то подобное сейчас невозможно. Государственная власть заставила отказаться общество от своих ненормальных и передать их под непрерывный контроль государства.

¹ Теккерей, У. Ярмарка тщеславия в 2т./ У. Теккерей./ М. - Государственное издательство художественной литературы. - 1953.

² Закон Российской Федерации N 3185-1 от 2 июля 1992 года «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»./ Ведомости СНД и ВС РФ. - 20.08.1992. - N 33. - ст. 1913.

³ Романов, К. К.Р./ К. Романов./ М. - Роман-газета. – 1994. - №19.

Ценность такого осмысления истории болезни и безумия в Европе в том, что оно позволяет по иному взглянуть на взаимоотношения современного общества и государства. Государственная власть, позиционируя себя как защитницу общества, как гаранта ненарушения порядка, в то же время не может не использовать процедуру *нормализации*. М. Фуко писал: «Экзамен со всеми его техниками документации превращает каждого индивида в конкретный «случай». Случай представляет собой одновременно и объект для отрасли знания и объект для ветви власти. Отныне случай (в отличие от случая в казуистике или юриспруденции) не есть совокупность обстоятельств, определяющая действие и способная видоизменить применение правила; случай есть индивид, поскольку его можно описать, оценить, измерить, сравнить с другими в самой его индивидуальности; но также индивид, которого требуется муштровывать или исправлять, классифицировать, приводить к норме, исключать и т. д.»¹.

Отныне государственная власть уже не признает наличие демаркационной линии между сферой своего господства и сферой господства общества: они сливаются воедино и, что самое важное, находятся под контролем со стороны государственной власти. Прав был М. Фуко, когда говорил: «Эпоха Просвещения, открывая свободы, изобрела и дисциплины»². Появляется макиавеллевское *stato* – общество-государство; государство, внедренное в тело общества; общество, оформленное государством. Именно на этот момент указывают ученые, которые пишут, что современное государство помимо исторически оправданной охранительной функции сейчас неправомерно присвоило несвойственную ему функцию регулятивную. Р. В. Насыров замечает: «На государстве всегда лежит печать его происхождения, тех причин и условий, которые вызвали государство к жизни. Государство – *чрезвычайное* (курсив наш) средство предотвращения распада и хаоса...», оно «не совпадает с

¹ Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы./ М. Фуко./ СПб.: 1997, - С.280.

² Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы./ М. Фуко./ СПб.: 1997, - С.326.

обществом»¹. Государство – не единственный упорядочивающий общественные отношения институт, оно вовсе не присуще обществу имманентно. На опасность иной трактовки роли государственной власти в обществе указывал еще А. де Токвиль: «Большинство считает, что правительство действует неудовлетворительно, но все сходятся во мнении, что оно должно действовать еще активнее и все брать в свои руки»².

Дискурс о ненормальности отдельных аспектов поведения человека утвердился настолько, что сейчас правомерность его использования почти не ставится под сомнение. Это позволяет государственной власти на совершенно ином, более тонком уровне управлять обществом и отдельными его членами. Прежнее государство, не будучи слитым с обществом, и позиционировало себя как отличное от общества. «Вы думаете, что государство – это вы. Нет, государство – это Я», - провозгласил Людовик XIV представителям всех сословий, слушавшим речь монарха на коленях в дождевой грязи³. Новая же концепция власти, утвердившаяся в эпоху модерна, установила принципиально новые начала взаимодействия общества и государства: государство сочло возможным помимо охранительной функции на постоянной основе осуществлять еще и регулятивную.

Современный человек совершенно по иному вписан в систему государственной власти. Теперь уже не государственная власть подстраивается к человеку, а человек вынужден принаравливаться к государственной власти. Вспомним слова Фридриха Великого: «Солдата видно издалека». Знаменитый полководец имел ввиду следующее: если перед Вами широкоплечий, высокий крестьянин с сильными руками, то из него получится превосходный солдат. Т. е. государственная власть стремилась опираться на тех людей, которые по природе своей способны были выполнять определенную функцию (в данном случае, военную). Государственная власть могла взять у общества лишь то, что общество могло дать. Сегодняшняя же постановка вопроса совершенно иная:

¹ Насыров, Р.В. Человек как самоценность: о формулировке ст.2 Конституции РФ 1993г. (курс лекций)/ Р.В. Насыров./ Барнаул, - 2008, - С.201.

² Токвиль, А. Демократия в Америке./ А. де Токвиль./ М. – Прогресс. - 1992. – С.483.

³ См. об этом: Матьез, А. Французская революция в 3т./ А. Матьез./ Ростов-на-Дону. - Феникс. – 1995.

утверждается, что «солдатом может стать каждый». Каждый может собственным волевым усилием перестроиться под требования, предъявляемые свыше. В немецком языке есть два родственных слова die Berufung (призвание) и die Beruf (профессия). Так вот фридриховский солдат занимал свое место в строю по призыванию. Л. Н. Гумилев отмечал, что войска кочевых народов Азии сплошь состояли из настолько искусных наездников и стрелков, что каждый из них, вплоть до полководца, по современным меркам являлся как минимум кандидатом в мастера спорта¹. Быть же солдатом сегодня – это, скорее, профессия, профессиональная служба.

С падением границы между сферой господства государства и сферой господства общества (чему не в малой степени способствовала теория общественного договора) исчезает и отождествление государственной власти с фигурой монарха. Если раньше происходила персонификация государственной власти: причем последняя приписывалась даже не отдельному лицу, а фамилии. В этом смысле, не столь важно, кто носил корону, сколь то, чья кровь течет в венценосной особе. Очень ярко данный тезис отражает знаменитое «Король умер, да здравствует король!». Приход же эпохи модерна ознаменовал развенчание убежденности в присущей короне монополии на государственную власть. Идеологи буржуазных революций выдвинули идею о том, что каждый обладает частичкой государственной власти, является носителем государственного суверенитета. Граница между государством и обществом начинает постепенно исчезать. Теперь государство действительно уже не «Я» монарха, теперь государство – это Мы, замятинское Мы. И если ранее, как мы уже указывали, под правонарушением понимался личный вызов, оскорбление, брошенные правонарушителем монарху, то теперь под таковым понимается посягательство на все общество. Семья, укрывшая преследуемого царской стражей беглеца, получала одобрение со стороны соседей. Семья, сделавшая подобное сегодня, встретит, скорее, осуждение. Необходимость в фигуре палача отпадает, т. к. общество берет на себя его работу. Вор – уже посягатель

¹ См.: Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало./ Л. Н. Гумилев./ М. – АСТ Москва. – 2007. – 431с.

не на государственную власть, а на само общество. Тот факт, что вора нужно наказывать содержится уже не в эдиктах, указах государя, а вытекает из личной убежденности каждого. Необходимость в грубом корректирующем вмешательстве со стороны государственной власти отпадает, т. к. каждый член общества уже на подсознательном и осознанном уровне стремиться сам себя привести к норме, нормализовать. Т. е. внедрение в сознание субъекта мысли о необходимости постоянного жесткого внутреннего контроля над своим поведением может быть использовано как очень тонкий инструмент манипулирования людьми в масштабах всего общества. «Авторитарная выучка, грубые формы манипулирования индивидом и его «одомашнивание» ушли в прошлое»¹, - отмечает Ж. Липовецки. У М. Фуко встречаем следующее: «Перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией «приостановленных» прав»². Под «приостановленными» правами данный автор, думается, понимал те сферы, которые ранее наполнялись субъектом, были местом проявления его личной мощи. После же изменения границы между государством и обществом первое получило доступ к понятию «норма», с помощью которого можно вводить критерии нормальности и ненормальности. Внедренное в сознание субъекта представление о (не-)нормальности и означает экономию приостановленных прав. Отклоняющееся от «нормы» поведение устраняется без непосредственного вмешательства со стороны государственной власти, ведь «государство – это Мы», а, значит, «Мы – это государство». «Понятие «норма» подразумевает, что нечто *должно* быть или совершаться и, особенно, что человек *должен* действовать (вести себя) определенным образом (курсив авт.)»³, - писал Г. Кельзен. Следовательно, при таком подходе, общество-государство не только может, но и должно взять на себя контроль над процессом нормализации своих членов. К. Юнг по этому поводу писал: «Создалась понемногу коллективная культура, дающая, правда, каждому единичному

¹ Липовецки, Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме./ Ж. Липовецки./ СПб. – Владимир Даль. – С.220.

² Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы./ М. Фуко./ СПб.: 1997, - С.18.

³ Кельзен, Г. Чистое учение о праве./ Г. Кельзен./ М. – ИНИОН АН СССР. – 1987. – С.11. (всего 196с.).

человеку гораздо более широкие «права человека», нежели античный мир, однако имеющая и крупный недостаток, ибо она, в основе своей, является субъективно рабской культурой, отличающаяся от античного порабощения большинства лишь перемещением его в область психологии...»¹.

Думается, что с учетом обозначенных проблем вопрос о роли государственной власти по отношению к обществу приобретает совершенно иное звучание и, безусловно, требует дальнейшего осмысления.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

О.В. ВЕЙМЕР

*Студентка ИГиП ТюмГУ
направления «Юриспруденция»*

Научный руководитель:

О.Ю. ВИННИЧЕНКО

*профессор кафедры теории и
истории государства и права,*

ИГиП ТюмГУ,

доктор юридических наук

БЮРОКРАТИЯ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ XV-XVIII ВЕКОВ

Европейские государства никогда ранее не были столь обеспечены необходимым инструментарием для управления обществом, как в XXI веке. Бюрократизация управления – неотъемлемая часть процесса модернизации и естественный процесс в истории всех цивилизованных государств, функционирующих на основе законов. Но в XX-XXI веках бюрократический аппарат значительно расширился или «разбух», как предпочитают писать СМИ, что не могло не повести за собой проблем, которые в нашем веке достигли глобальных масштабов. Разрастающийся бюрократический аппарат делает проблематичным эффективное государственное управление. Ослабление

¹ Юнг, К. Психологические типы. / К. Юнг. / М. – 1999. - С.136.